

0248

ЦЕНТРОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кейт Харди

ТРЕБУЙ НЕВОЗМОЖНОГО

Подари себе мерту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кейт Харди

Требуй невозможного

«Центрполиграф»

2012

Харди К.

Требуи невозможного / К. Харди — «Центрполиграф»,
2012 — (Любовный роман – Harlequin)

Аллегра Бошам провела незабываемое лето в объятиях Ксавьера Лефевра и думала, что они всегда будут вместе. Но ее мечтам не суждено было сбыться. Десять лет спустя она вернулась во Францию, чтобы стать деловым партнером Ксавьера. Смогут ли они сохранять чисто деловые отношения, невзирая на вспыхнувшее с новой силой взаимное притяжение, или используют свой шанс исправить ошибки молодости?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кейт Харди

Требуи невозможного

Это издание опубликовано с разрешения «Арлекин Энтерпрайзиз II Б.В./С.а.р.л.».

Red Wine and Her Sexy Ex

© 2010 by Pamela Brooks

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2012

Глава 1

Вернулась. Она вернулась.

Сердце Ксавьера забилося чуть быстрее, чем обычно, когда он положил трубку.

Да это просто смешно. Он ведь оставил Аллегру Бошам в прошлом. Причем уже много лет назад. Так что это все просто нервы. В нем говорит злость – он злится на то, что она вот так вот собиралась снова войти, вмешаться в его жизнь.

Последние десять лет он всю душу свою вкладывал в этот виноградник, и он не позволит ей впорхнуть сюда и разрушить весь его тяжкий труд.

Он ни на йоту ей не доверял. Больше не доверял. Она не только разбила ему сердце и бросила его тогда, когда она больше всего была ему нужна, она еще и не захотела поддержать своего двоюродного дедушку, когда тот постарел, ослаб и очень в ней нуждался. Она даже не приехала во Францию на похороны Гарри. Зато тут же примчалась, чтобы заявить свои права на наследование пятнадцати гектаров земли с высококлассной виноградной лозой и каменного дома.

Ее поведение о многом говорило.

Но в какой-то мере оно же все упрощало. Если Аллегру интересуют только деньги, она рада будет продать ему свою половину виноградника. Невзирая на то, что она сегодня после обеда сказала его адвокату. Может, сейчас у нее и есть какое-то романтическое представление о том, каково это – владеть виноградником. Но уж Ксавьер-то точно знал: как только она поймет, какой это на самом деле тяжкий труд, тут же сбежит обратно в Лондон. Так же, как сбежала десять лет назад – только на сей раз она заберет с собой только его деньги, но не его сердце. И на этот раз у него не останется никаких сожалений по этому поводу. Так что чем быстрее он с ней встретится, тем лучше.

Аллегра потягивала кофе, но темная горькая жидкость ни чуточки не проясняла ее сознание.

Какая же она дура, что вернулась после стольких лет. Надо было ей просто согласиться с предложением адвоката продать половину виноградника Гарри его деловому партнеру, заскочить на минутку в крохотную церквушку в деревне, чтобы положить цветы на могилу двоюродного дедушки, а потом напрямик обратно в Лондон.

Вместо этого что-то заставило ее вернуться в старый каменный дом на ферме, в котором она так часто бывала в детстве. Но теперь, оказавшись здесь, в Ардеше¹, она сожалела об этом своем порыве. Когда она увидела дом, вдохнула острый запах трав в терракотовых вазонах у кухонной двери, на нее накатило такое чувство вины, что ей стало дурно. Вины за то, что она не приехала раньше; что ее не было там, когда позвонили и сказали, что у Гарри случился удар; за то, что он умер в больнице прежде, чем она узнала о его болезни. И за то, что, несмотря на все ее старания, она не смогла приехать на похороны.

Все в деревне уже осудили ее и признали ее виновной. Она заметила и взгляды, и шепоток, то и дело раздававшийся у нее за спиной, и холодность, с которой ее приняла Гортензия Бувьер – и это вместо теплых объятий и вкусной стряпни, которыми экономка приветствовала ее все эти годы.

А когда Аллегра зашла на кухню, это было все равно что войти в прошлое, все старые раны ее словно заново открылись. Все, что ей сейчас было нужно, это чтобы Ксав вошел на кухню и плюхнулся на стул перед ней, с этой его улыбкой, от которой внутри все переворачи-

¹ Ардеш – департамент в центральной части юга Франции. (Примеч. пер.)

валось, и искорками, которые прыгали бы в его серебристо-зеленых глазах, когда он протянул руку к ее руке, и...

Нет, конечно нет. Он совершенно ясно дал ей понять десять лет назад, что между ними все кончено. Что то, что было между ними, всего лишь мимолетный роман на отдыхе, и что он уезжает в Париж, чтобы сделать там головокружительную карьеру – и начать новую жизнь без нее. И вообще, он наверняка уже женат и у него дети. Когда она сделала первый шаг на пути к примирению с Гарри, они словно заключили молчаливое соглашение не говорить о Ксавьере. Ей не давала спросить о нем гордость, а Гарри было неловко его упоминать.

Она почувствовала, как все сильнее сжимает чашку с кофе. После стольких лет она должна бы уже обо всем этом забыть. Но как можно перестать любить того, кого любил столько лет? Она запала на Ксавьера Лефевра в их первую же встречу, когда ей было восемь, а ему одиннадцать. Он был самым красивым мальчиком из всех, что она видела, словно викторианский ангел на витражах на окнах в школе, только с темными волосами и серебристо-зелеными глазами. Когда она была подростком, она таскалась за ним, как верный щенок, грезилась о нем и представляла себе, каким был бы его поцелуй. Она даже репетировала этот поцелуй на тыльной стороне ладони, готовилась к тому моменту, когда он наконец-то поймет, что она не просто соседская девчонка. Лето за летом она мечтала и надеялась. И хотя, наверное, она ужасно действовала ему на нервы, он был к ней добр и относился к ней так же, как ко всем остальным, никогда не дразнил ее и прямо не отвергал.

Но то самое последнее лето было словно пробуждением. Ксав наконец-то увидел в ней женщину, а не назойливую девчонку-сорванца. Они были неразлучны. Лучшее лето в ее жизни. Она искренне верила, что он любит ее не меньше, чем она его. И не имеет никакого значения, что она поедет доучиваться в Лондон, а Ксавьер в Париж, где он нашел новую работу. Она бы проводила с ним праздники, а он мог приезжать к ней в Лондон на выходные, когда работа позволяла, а потом, когда она закончила бы институт, они были вместе до конца дней своих.

Хотя он никогда и не просил ее выйти за него замуж, но она знала – он испытывает к ней те же чувства. Он сходит по ней с ума так же, как она по нему.

А потом все рассыпалось.

Она ощутила во рту привкус желчи и тяжело сглотнула. Бога ради, она же теперь взрослая, она уже не мечтательный подросток. Она реалистка. Деловым партнером Гарри был Пол Лефевр – отец Ксава. Так что самого Ксава там не будет. Насколько она знала, он все еще в Париже. Ей не придется снова с ним встречаться.

– Звонил месье Лефевр, – холодно сказала зашедшая в кухню Гортензия. – Он возвращается с виноградников и хочет с вами встретиться.

Аллегра нахмурилась. Их встреча назначена на завтра. С другой стороны, французы прекрасно воспитаны. Жан-Поль, наверное, решил нанести ей визит вежливости, чтобы поприветствовать ее в «*Les Trois Closes*» – Трех Виноградниках.

А потом дверь кухни резко распахнулась, и Ксавьер вошел так, словно был здесь хозяином.

Аллегра чуть не выронила из рук чашку.

«Какого черта он здесь делает? И почему он не постучал? С чего это он взял, что может просто заходить в дом Гарри... в мой дом, – мысленно поправила себя она, – когда ему заблагорассудится?»

– Ксавьер!

– *Alors*, садись, садись. – Гортензия поприветствовала его со всей той любовью, которую отказывалась дарить Аллегре. Она усадила его напротив Аллегры, дала ему чашку кофе. – Я оставляю тебя поговорить с мадемуазель Бошам, *chéri*. – И с этими словами она выпорхнула из кухни.

Аллегра была слишком поражена, чтобы вымолвить хоть слово. В двадцать один год Ксавьер Лефевр был красивым юношей. В тридцать один он был настоящим мужчиной. Чуть выше ростом, если память ее не подводила, и шире в плечах – одни мускулы.

Взгляд его серо-зеленых глаз казался еще более пронзительным на фоне оливковой кожи, вокруг них уже наметились первые морщинки, словно он много улыбался или большую часть времени проводил на солнце. Его спутанные темные волосы сильно отросли, и она подумала, что такой стиль больше пристал рок-звезде, чем талантливому финансисту. А легкая небрежность создавала ощущение, что он только что поднялся с постели, оставив свою любовницу спящей и полностью удовлетворенной.

От одного его вида Аллегре начало казаться, что температура в комнате подскочила сразу градусов на десять. Ведь она все еще помнила, каково это – засыпать в объятиях Ксава, согревшись в лучах солнца и насытившись любовью в долгие послеобеденные часы.

Ну как она могла сохранять ясность ума, когда первое, что приходило ей в голову в том, что касалось Ксавьера Лефевра, был секс? А второе, что ей приходило в голову, это как сильно она до сих пор его хотела.

Ей следовало надеть на свое либидо смирительную рубашку. И сделать это нужно было прямо сейчас. Прежде, чем оно начнет борьбу с ее здравым смыслом.

– *Bonjour*, мадемуазель Бошам. – Ксавьер подарил ей загадочную улыбку. – Я подумал, лучше мне заехать и поздороваться со своим новым деловым партнером.

Она молча в шоке уставилась на него:

– Ты был деловым партнером Гарри?

Его вид красноречиво свидетельствовал о том, насколько глупый это был вопрос.

– Но я думала, ты в Париже.

– Нет.

– Месье Роберт сказал, что партнером Гарри был месье Лефевр.

– Все правильно. – Он изобразил полупоклон, не вставая с места. – Позвольте представиться. Ксавьер Лефевр к вашим услугам, *mademoiselle*.

– Я знаю, кто ты. – К сожалению. Ну конечно, она знала, кто он такой. Человек, которому она отдала свою девственность – и свое сердце – только для того, чтобы он швырнул ей его прямо в лицо. – Я думала, он имеет в виду твоего отца.

– Боюсь, ты на пять лет опоздала с этим.

– Твой отец... – Она резко выдохнула от изумления. – Мне жаль. Я не знала. Гарри мне не сказал, я бы...

– Только не говори мне, что приехала бы на похороны моего отца, – оборвал ее Ксавьер. – Ты даже на похоронах Гарри не появилась.

Он что, серьезно думает, что имеет право бросать ей в лицо такие обвинения?

Она вздернула подбородок:

– У меня были на то свои причины.

Он ничего не сказал. Ждет, чтобы она заполнила паузу? Ну так она не обязана перед ним объясняться.

– Так ты думал, что Гарри должен был оставить виноградник тебе, раз ты его деловой партнер? В этом дело?

– Нет, конечно нет. Ты наследуешь его имущество, потому что ты его ближайшая родственница. – Он помолчал. – Хотя в последние годы не очень-то было на это похоже.

– Дешевый выпад. – Тем не менее попал он точно в цель.

– Я просто излагаю факты, *cherie*. Когда ты в последний раз приезжала с ним повидаться?

– Я каждую неделю разговаривала с ним по телефону.

– Это не то же самое.

Она вздохнула:

– Ну, ты же знаешь Гарри. Я сильно с ним поссорилась, когда уехала в Лондон. – Из-за Ксавьера. Но ему этого говорить она не собиралась. – В конце концов, мы помирились, но признаю, я была не права, что не вернулась и не повидалась с ним. – Между прочим, она не сделала этого отчасти потому, что боялась, что ей, возможно, придется снова встретиться с Ксавьером. И в этом признаваться она ему тоже не собиралась. Она не хотела, чтобы он догадался, что она так полностью от него и не излечилась. Что встреча с ним ее шокировала и расстроила и та жажда, которой она томилась по нему в прошлом, не умерла, а только спала, а теперь проснулась и опять отчаянно его требовала. – Если бы я знала, что он так слаб, я бы приехала. Он ничего мне не сказал.

– Конечно нет, он был гордый. Но если бы ты потрудились его навестить, – холодно сказал Ксавьер, – ты бы сама это увидела.

На это у нее ответа не было.

– Ты не вернулась, когда он заболел, – продолжал Ксавьер.

– Я получила сообщение о том, что у него случился удар, когда было уже слишком поздно.

– Ты даже на похоронах не появилась.

И он серьезно думает, что ее это не волнует?

– Я собиралась приехать, но мне надо было быть по делам в Нью-Йорке.

– Плохая отговорка.

Она это знала. И ему совершенно необязательно было ей это говорить.

– Я уже сказала, что была очень не права. Прошлого не воротишь, и нет смысла его ворошить.

Он только плечами пожал.

Как же он ее бесит.

– Чего ты хочешь, Ксавьер?

«Тебя».

Осознание этого потрясло все его существо. После того как Аллегра его подвела, он не должен хотеть иметь с ней дело. И она уже не была *petite rose Anglaise* – английской розочкой, – которой была в восемнадцать, милой, застенчивой и немного неуверенной в себе, медленно расцветающей под лучами его любви. Сейчас она была безупречно ухоженной, тело тугое и крепкое под этим стильным деловым костюмом. Губы плотно сжаты в тонкую линию, а он их помнил такими мягкими, манящими, напоминающими о первых летних розах...

Это просто безумие. Бога ради, он должен сейчас планировать, как убедить эту женщину продать ему свою половину бизнеса, а не смотреть на ее губы и вспоминать, как он ее целовал и что при этом испытывал. Как он растворялся в ней. Как у него замирало сердце, когда она поднимала глаза от книги в те ленивые послеобеденные часы, ее черты смягчались, а взгляд лучился любовью.

«O Dieu».

Ему правда надо сосредоточиться.

– Ну?

– Я просто возвращался с полей. Позвонил Гортензии, чтобы спросить, дома ли ты, потому что хотел проявить вежливость и повести себя по-соседски, поприветствовать тебя здесь, во Франции. – Это было правдой, хотя и не всей правдой. Он также хотел разработать план, как убедить ее продать ему виноградник. – Но, раз уж ты затронула эту тему, позволь дать тебе пищу для размышлений. Ты много лет не была во Франции, и я не думаю, что тебе интересно сейчас заниматься виноградниками. Я с радостью выкуплю твою долю. Проконсультируйся с любым компетентным энологом о цене, и я ее заплачу.

– Нет.

Ну, ради того, чтобы обезопасить его виноградники, стоит заплатить и больше их реальной стоимости.

– Сколько ты хочешь?

– Я не продам тебе виноградник.

У него все внутри перевернулось.

– Ты собралась продать его кому-то другому? – Весь вложенный в виноградники труд можно было уничтожить всего за несколько недель.

– Я никому не собираюсь их продавать. Гарри оставил мне дом и свою половину виноградников. Это его послание мне, в котором говорится, что пора возвращаться домой, – сказала Аллегра.

Он небрежно махнул рукой:

– Это в тебе говорит чувство вины. – Чувство, которое он только что серьезно подстегнул. – Знаешь, если хочешь знать мое мнение, самым практичным решением в данном случае будет продать твою долю виноградников мне.

Она покачала головой:

– Я остаюсь.

Он уставился на нее, не в силах поверить своим ушам:

– Но ты же ничего не знаешь о виноградарстве.

– Я могу научиться.

– У меня нет времени тебя учить.

– Ну, тогда, может, кто-нибудь другой это сделает.

«Только через мой труп».

– А пока я могу заниматься маркетингом, ведь это моя профессия.

Ксавьер сложил руки на груди, пытаясь сдержаться:

– Мне плевать, кто ты по профессии. Ты до моего виноградника и пальцем не дотронуешься. Чтобы он тебе через неделю наскучил?

– Он мне не наскучит. И это и мой виноградник тоже. – Она сложила руки на груди, так же как и он, и сверкнула на него глазами. – Гарри оставил свою половину бизнеса мне, и я сделаю ее успешной... я должна это сделать в память о Гарри.

Ее голубые глаза были холодны как лед, и Ксавьер понял – она не шутит.

Сейчас она слишком сильно уперлась, чтобы прислушаться к доводам разума. Так что лучше всего будет сейчас уйти, хорошенько обдумать тактику на завтра и потом поговорить с ней еще раз.

– Как хочешь, – сказал он, отодвинул стул и встал. – Марк сказал тебе, во сколько завтра будет встреча?

Она моргнула:

– Ты так близко знаешь адвоката Гарри, что называешь его по имени?

– Вообще-то он и мой адвокат тоже. – Ксавьер предпочел не упоминать, что они с Марком дружат с колледжа. – А еще Марк самый большой профессионал из всех, кого я знаю.

– Он сказал, завтра утром в восемь.

– Лучше передвинь встречу на полдень, – сказал Ксавьер. – Уверен, ты устала с дороги.

Она настороженно прищурилась:

– Ты думаешь, я не могу рано встать?

– Я этого не говорил. – Но подумал. – Вообще-то меня это тоже больше устроит. Мы здесь работаем по *l'heure solaire*.

– Времени солнца? – Ее перевод звучал неуверенно.

– Солнечным часам, – поправил он. – Работать на винограднике в разгар жаркого дня – кратчайший путь к солнечному удару. Я занимаюсь административной работой в самые жаркие часы и работаю на улице, когда там чуть прохладнее. Так что в полдень. У меня в кабинете

в шато. И с меня обед. – Он подумал о том, не поцеловать ли ее на прощание в щеку, чтобы еще больше выбить ее из колеи, но потом передумал. Учитывая то, как его тело отреагировало на нее ранее, это могло точно так же растревожить и его самого. Вместо этого он отвесил ей неглубокий официальный поклон. – *A demain*, мадемуазель Бошам.

Она кивнула в ответ:

– *A demain*, месье Лефевр. Увидимся в полдень.

Глава 2

Утром следующего дня Аллегра долго изучала сайт перед тем, как поехать в шато Лефевра. Здание совсем не изменилось за годы ее отсутствия. Оно все еще было таким же величественным, светлого камня, с высокими, узкими окнами. Она помнила лужайку перед шато, но была уверена, что на заднем дворе не было раньше розового сада.

Может, это идея жены Ксавьера? Ксавьер Лефевр все еще был самым привлекательным мужчиной из всех, кого Аллегра когда-либо встречала в жизни. Если такое вообще возможно, с возрастом он стал еще привлекательнее. Но даже если у него никого и нет, ей это неинтересно. Не даст она ему второго шанса растоптать ее сердце. Сейчас это бизнес, и только.

Она позвонила в дверь. Ей открыл молодой человек с копной светлых волос, которому явно не нравилось, что его потревожили.

– Мы не... – осклабившись, начал он, потом замолчал и одарил ее лучезарной улыбкой. – *Mon Dieu, c'est* Элли Бошам! Сколько лет прошло? *Bonjour, chérie*. Как дела? – Он наклонился поцеловать ее в щеку.

– *Bonjour*, Ги. Почти десять лет, и я в полном порядке, спасибо. – Она улыбнулась ему в ответ. – Очень рада тебя видеть. Как ты?

– Нормально. Я тоже рад тебя видеть. Ты сюда в отпуск приехала? – спросил он.

– У меня встреча с Ксавьером.

– М-м-м. В это время он обычно у себя в офисе. Я тебя провожу.

– А ты будешь на встрече?

– Нет. Виноградники – это стихия Ксава. Я только торчу здесь по выходным, пью его вино и отпускаю шуточки в его адрес. – Он ухмыльнулся так, что стало понятно – угрызения совести по этому поводу его совсем не мучают. – Кстати, мои соболезнования по поводу Гарри. Он был хорошим человеком.

У Аллегры к горлу подступил комок.

– Да, спасибо.

Ги провел ее по одной стороне дома к внутреннему дворику.

– Спасибо, что проводил, – сказала Аллегра.

– Не за что. Если ты здесь пробудешь несколько дней, приходи поужинать с нами как-нибудь.

– Было бы чудесно, – вежливо ответила она, хотя была уверена, что Ксавьер с ней ужинать не захочет.

– Тогда до скорого. *À bientôt*, Элли.

Она попрощалась с Ги, глубоко вздохнула и вошла в часть дома, отведенную под офис. Дверь кабинета Ксавьера была широко распахнута, и она увидела его за столом, он работал, делал какие-то записи. Волосы его были спутаны, но сегодня он был чисто выбрит. Рукава его хлопковой рубашки были закатаны по локоть так, что взору открывались его сильные предплечья, на которых кое-где виднелись темные волоски. Сейчас он выглядел так, словно к нему можно было бы подойти и потрогать его. Ей пришлось вонзить ногти в ладонь, чтобы не сделать какую-нибудь глупость – не провести ладонью по его руке и не прижаться губами к его губам, как она бы сделала раньше.

Боже правый. Он больше не ее любовник, человек, за которого она собиралась когда-нибудь выйти замуж. Он ее деловой партнер. А даже если он бы им и не был, она не знает, есть ли у него кто-то.

Она сделала глубокий вдох и постучала в дверь.

Ксав поднял глаза на стук Аллегры. Она явно все еще была настроена на деловой лад, на ней опять был элегантный костюм. Ей ни за что не вписаться в их мир. Она действительно ничего в этом не понимает.

– Спасибо, что пришла, – сказал он, вежливо поднявшись из-за стола. – Садись.

Она села, потом протянула ему золотистую коробку, перетянутую золотой лентой:

– Это тебе.

А вот этого он не ожидал.

– Я подумала, это будет более уместно, чем цветы или, м-м, вино.

Так, значит, она помнит французскую традицию приносить хозяину дома подарок. Он развязал ленточку и увидел, что в коробке его самая большая слабость – тонкие диски темного шоколада с кристаллами имбиря. Она помнит такую мелочь после всех этих лет? Это совершенно выбило его из колеи.

– Спасибо, – сказал он. – Хочешь кофе?

– Да, пожалуйста.

К его удивлению, она пошла за ним в крохотную кухню:

– Я могу чем-то тебе помочь?

«Да. Продай мне свою половину виноградника и уйди из моей жизни, пока я опять не потерял рассудок, желая тебя». – Он еле успел остановиться, чтобы не сказать это вслух.

– Нет, не нужно.

– А ты разве не спросишь, может, я пью кофе с молоком или сахаром?

– Ты никогда не пила кофе с молоком и сахаром, и очевидно, что не пьешь и сейчас. –

Он развел руками. – Иначе ты не была бы такой стройной.

Она прищурилась:

– Ты переходишь на личности.

– Ты сама спросила.

– Так, значит, перчатки сняты?

– А они никогда и не были надеты. – Теперь его мысли понеслись по очень опасному пути.

Перчатки сняты. Одежды сняты. Застенчивая, доверчивая улыбка Аллегры, когда он впервые ее раздел, и она отдалась ему без остатка.

«*O Dieu*».

Ему нужно во что бы то ни стало забыть о прошлом и сосредоточиться на настоящем.

Он поставил готовый кофе на поднос, достал из холодильника миску с помидорами и кусок сыра, потом взял еще из буфета буханку деревенского хлеба, положил все это на поднос рядом с кофе, двумя ножами и двумя тарелками и отнес это в кабинет.

– Угощайся, – сказал он.

– Спасибо.

Когда она даже не пошевелилась, он приподнял бровь, отломил себе кусок хлеба и отрезал большой кусок сыра.

– Извини, что так жадно ем. Умираю с голоду – я уже в шесть работал на винограднике.

– Так что мы будем обсуждать? – спросила она.

– Начнем с самого разумного – когда ты продашь мне свою половину виноградников?

– Это вообще не обсуждается, – сказала она. – Ксав, почему бы тебе не дать мне шанс?

И как, черт возьми, она только может задавать такой вопрос? Неужели ему нужно сказать ей открытым текстом, что в прошлый раз, когда он так в ней нуждался, ее рядом не было и он не хочет снова попадать в то же положение? Он не доверял себе, когда дело касалось ее. Он провел бессонную ночь, мрачно размышляя о том, что он все еще хочет ее не меньше, чем в двадцать один год. А это было слабостью.

– Потому что ты не создана для того, чтобы здесь работать, – уклончиво ответил он. – Ты только посмотри на себя. Дизайнерская одежда, шикарная машина...

– Нормальный деловой костюм, – поправила она, – а машина не моя, я ее взяла напрокат. Ты судишь меня, Ксав, и ты несправедлив.

Несправедлив? Это не он ушел тогда. Ее слова причинили ему боль, и ему пришлось приложить усилие, чтобы сдержать волну раздражения. И его усилия не полностью увенчались успехом.

– А чего ты ожидала, Аллегра?

– Все совершают ошибки.

Да. И он не собирался повторять свои.

Его мысли явно отразились у него на лице, потому что она вздохнула:

– Ты даже не станешь меня слушать, да?

– Ты все сказала вчера. – И десять лет назад. Когда не дала ему времени справиться с буквально навалившимися на него проблемами и бросила его.

– Знаешь, это не просто каприз.

И тут он заметил тени у нее под глазами. Похоже, не он один сегодня провел бессонную ночь. Несомненно, она тоже заново переживала воспоминания – плохие, которые чуть не стерли хорошие.

– Ладно, – с неохотой сказал он. – Объясни, я послушаю.

– И перебивать не будешь?

– Этого обещать не могу. Но послушаю.

– Ладно. – Она отпила кофе. – Мы с Гарри очень сильно поссорились, когда я впервые уехала в Лондон, и я поклялась, что никогда больше не вернусь во Францию. К тому времени, как я закончила колледж, я немного смягчилась и смотрела на все уже несколько по-другому. Мы помирились. Но на тот момент я уже обосновалась в Англии. И... – Она прикусила губу. – Ты вырос здесь, где твоя семья живет уже... сколько, лет двести?

– Около того.

– Ты всегда знал, где ты, когда просыпался. Ты чувствовал себя в безопасности. Ты знал, что здесь твое место.

– Ну да. – Даже когда он собирался в Париж, он всегда знал, что вернется в Ардеш и будет управлять виноградником. Но он подумал, что сначала ему стоит расширить свои горизонты, набраться опыта в плане бизнеса, посмотреть мир.

– У меня все иначе. Когда я была ребенком, родители таскали меня за собой по всему миру – то оркестр был на гастролях, то моя мать давала сольные концерты, а отец ей аккомпанировал. Когда родители были не на сцене, они репетировали и не хотели, чтобы им мешали. Моя мать иногда доходила до того, что в кровь пальцы стирала. Мы нигде никогда надолго не задерживались.

Он видел, как в глазах Аллегры отражалась пережитая в прошлом боль и как она старалась ее сдержать. И вдруг он понял, что она пытается сказать ему.

– А когда ты поселилась в Лондоне, у тебя появился свой дом. Корни.

– Именно. И возможность устроить свою жизнь так, как хотела я. Мне не указывали все время и не говорили, что делать. – На лице ее было написано облегчение. – Спасибо за понимание.

– Нет, ты была права, я все еще не понимаю. Ведь родные всегда на первом месте? – Именно так всегда поступала его семья...

Не считая матери.

Она отвела взгляд:

– Были и другие причины, по которым я не хотела возвращаться во Францию.

– Я? – Он не собирался этого говорить, но как-то само вырвалось.

– Ты, – подтвердила она.

Ну, по крайней мере, теперь это сказано. Больше им не надо изо всех сил обходить эту тему.

Она явно подумала о том же самом, потому что сказала:

– Я надеялась, тебя здесь не будет.

Он закатил глаза:

– Я стал партнером Гарри, когда папа умер. Ты не могла этого не знать.

– Мы никогда о тебе не говорили.

Неужели она хочет сказать, что поссорилась с Гарри из-за него? Но он не мог понять почему. Все было ясно – это она положила конец их роману, не он. И Гарри никогда бы не нарушил данное Жан-Полю слово и не рассказал бы Аллегре о проблемах с бизнесом и уходе Шанталь.

Для начала ему нужно было узнать ответ на самый важный сейчас вопрос.

– Зачем ты приехала, Аллегра?

– Потому что я в долгу перед Гарри. Не трать время и не пытайся устыдить меня за то, что не приехала на его похороны. Я это сделала не нарочно. Я и так чувствую себя виноватой.

– У меня нет права тебя за это осуждать, – тихо сказал Ксавьер, – но Гарри был моим другом и деловым партнером, и я думаю, он заслуживал лучшего отношения.

– Я знаю. – Ее щеки заалели.

– Не может быть, чтобы твои дела были настолько срочными. Почему ты не сказала своему начальнику, что у тебя семейные проблемы?

– Я сказала. Клиент не мог перенести встречу.

– И никто не мог поехать вместо тебя?

– Мой начальник сказал, что не мог.

Она говорила очень сухо, и у Ксавьера появилось чувство, словно она что-то не договаривает.

– Я сделала все возможное, чтобы как можно скорее закончить все дела, но встреча затянулась, и я опоздала на самолет.

– И это был единственный рейс в Авиньон? – спросил он. Уж слишком банальная на его вкус получилась отговорка.

– Вообще-то в Ниццу, – поправила она. – Клерк, который занимался бронированием билетов, целый час провисел на компьютере, пытаясь найти для меня рейс, который бы приземлился где-то во Франции до завтрака по французскому времени. Но такого рейса просто не было.

– Твои родители тоже не приехали.

– Знаю. Они были в Токио. Если бы они приехали на похороны, они бы пропустили свое выступление. А ты же их знаешь. – Она вздернула подбородок. – И я попала в ту же ловушку. Я посчитала, что работа превыше семьи. Не надо было мне этого делать.

– По крайней мере, ты свои ошибки признаешь. – Он немного помолчал. – И что же ты предлагаешь делать дальше?

– Ты же доверял деловому чутью Гарри?

Ксавьер кивнул.

– А Гарри доверял мне – достаточно, чтобы назначить меня своей преемницей, иначе он не оставил бы мне свою долю в бизнесе. – Она посмотрела ему прямо в глаза. – Ты сделаешь то же?

Сложный вопрос. Ему было чертовски сложно ей довериться. Он ответил вопросом на вопрос, чтобы выиграть время:

– Что ты знаешь о виноделии?

– Сейчас? Очень мало, – признала она. – Но я быстро учусь. Я буду заниматься и узнаю достаточно, чтобы быть полезной. А пока, может, я смогу помочь тебе с другим аспектом бизнеса.

– Каким?

– Как я тебе уже сказала вчера – с маркетингом. Я отвечала за весь креатив в агентстве, в котором работала. Я могу организовать эффективную промо-кампанию при мизерном бюджете. Хотя мне понадобится от тебя информация.

– Какая информация? – устало спросил он.

– Бизнес-план на ближайшие пять лет. Мне нужно знать, что мы производим и за сколько мы это продаем, кто наши основные клиенты и конкуренты. А потом я дам тебе свой анализ и рекомендации.

– Сильные стороны, слабые стороны, возможности, риски... – Он приподнял бровь, видя, как она удивилась. – Думаешь, я их не знаю?

Ее словно подменили. И вдруг Ксавьер увидел, как она уязвима. На поверхности она была блестящей, ухоженной и профессиональной. Но внутри она была такая хрупкая. Он мог бы сломать ее сейчас, мог заставить продать ему ее долю виноградника. Но он бы возненавидел себя за это.

– Так ты хочешь сказать, что будешь управлять половиной виноградников из Лондона?

– Нет. Отсюда.

Она собирается жить здесь? Значит, ему придется видеться с ней каждый божий день? *«Dieu»*.

Это потребует от него недюжинных усилий. Пока она жила в другой стране, ему удалось задвинуть все мысли о ней куда-то глубоко в подсознание. Но жить с ней по соседству, работать вместе... это совсем другое.

И что-то здесь не сходится.

– Две минуты назад ты говорила мне, что твои корни в Лондоне.

– Так и есть. – Она вздохнула. – Но я хочу встать на место Гарри. А Ардеш много лет назад был мне домом летом. Я могу здесь обосноваться.

Десять лет назад. Тогда она нужна была ему здесь, рядом, он хотел, чтобы она стала его женой. А сейчас он был бы рад, если бы она укатила обратно в Лондон и оставила его в покое.

– А как же твоя работа?

– Бывшая работа, – коротко сказала она.

– С каких пор?

– Я уволилась вчера. После встречи со своим адвокатом.

Интересно, она всегда уходит вот так, когда ей приходится туго? И что будет, если такое случится здесь? Бросит ли она все так, как мать бросила отца?

– Какое-то это сиюминутное решение, тебе так не кажется? Откуда ты знаешь, что тут все получится?

– Потому что я сделаю так, чтобы получилось.

Упрямая и решительная – два очка в ее пользу. В этой работе и то и другое качество ей очень пригодится. Но он все еще не мог поверить в то, что она возьмется за это дело всерьез и надолго.

– Управлять виноградником не то же самое, что работать с девяти до пяти, – предупредил он. – Бывают времена, когда нам всем приходится работать на полях, – а то, что сейчас на тебе, совершенно для этих целей не подходит. Эта одежда порвется в клочья, а в таких туфлях ты вывихнешь лодыжку или натрешь ноги. И это уже не говоря об опасности солнечного удара.

– Я не боюсь тяжелого труда и ненормированного рабочего дня. Покажи мне, что надо сделать, и я это сделаю. И я уже сказала, что могу надеть джинсы, ботинки и панаму, если надо.

И несомненно, у нее все это будет дизайнерским.

– У меня нет знания и опыта Гарри, так что, естественно, заменить его я не смогу. Но я быстро учусь, а если чего-то не знаю, спрошу. Если ты дашь мне информацию, о которой я просила, то могу привнести в виноградники что-то свое, новое и полезное.

Ксавьер глубоко вздохнул:

– Информация, которую ты просишь, является коммерческой тайной.

– И, как твой партнер, я не собираюсь давать ей ход, потому что если она касается бизнеса, значит, касается и меня.

Она действительно не собиралась сдаваться. Он с минуту разглядывал ее, размышляя, может ли он ей доверять на этот раз. Очевидно, Гарри ей доверял, иначе он бы по-другому распорядился этой собственностью.

Это был огромный риск. Но Гарри никогда прежде его не подводил, и Марк вчера в телефонном разговоре тоже высказался в ее пользу. И Ги даже на несколько минут вылез из своей драгоценной лаборатории, чтобы провести ее к нему в офис. Гарри, Марк и Ги – этим трем людям Ксавьер доверял больше всех на свете, и они, похоже, не разделяли его настороженности насчет Аллегры. Может, ему стоит положиться на их мнение?

А может, он просто ищет оправдание своему желанию снова впустить ее в свою жизнь? К тому же, черт подери, он скучал по ней и, когда снова ее увидел, вдруг понял, какую огромную пустоту она оставила в его жизни. Пустоту, которую, как он себе говорил, прекрасно заполнила работа. Теперь он знал наверняка, что врал себе все это время.

– Так каково же твое решение, Ксав?

Зная, что, скорее всего, совершает огромную ошибку, он кивнул:

– Я распечатаю для тебя бумаги. Почитай их, звони, если будут вопросы, посмотрим, какие у тебя появятся мысли на этот счет.

– Спасибо. – Она немного помолчала. – Ты об этом не пожалеешь.

– До урожая два месяца. Будем считать это испытательным сроком. Если сможем работать вместе, хорошо. Если не сможем, ты продашь свою половину виноградника мне. По рукам?

– Так ты рассчитываешь, что я буду тебе что-то доказывать? Несмотря на то что половина виноградника моя?

– Я только говорю, что не знаю, сможем ли мы работать вместе, – сказал Ксавьер. – Слушай, если бы ты устроилась куда-то на работу, у тебя был бы испытательный срок. Это то же самое.

– То есть только я оказываюсь в проигрыше?

– Мои корни здесь, – просто сказал он. – Ты хочешь меня от них оторвать?

Она очень долго молчала, потом встала и протянула руку:

– Два месяца, а потом обсудим варианты. В том числе и возможность продажи моей доли тебе. Но и возможность расторжения партнерства тоже с сохранением за мной моей половины виноградника.

Ксавьер не знал, хочет ли он схватить ее и хорошенько встряхнуть за ее упрямство или восхититься ее стойкостью. В конце концов, он тоже встал и взял ее за руку.

И когда он ощутил ее кожу на своей, его словно отбросило в те дни, когда он возил ее во все красивые места в окрестностях и они бродили вместе, держась за руки, и наслаждались пейзажами. В те дни, когда лето казалось бесконечным, небо всегда было голубым, а переставал он улыбаться только тогда, когда рот его был занят исследованием тела Аллегры.

Было бы так легко обойти стол, притянуть ее к себе, в свои объятия, и целовать до тех пор, пока у них обоих не закружится голова. А еще это было бы ужасно глупо. Если они хотят дать шанс на успех всему этому предприятию, им нельзя заводить роман.

Он спокойно и официально пожал ей руку:

– Наверное, за это надо выпить.

– Я за рулем.

– А я после обеда буду работать в поле. Так что давай импровизировать. – Он поднял свою чашку с кофе. – За «*Les Trois Closes*».

Она поднесла свою чашку к его, и они чокнулись:

– За «*Les Trois Closes*». И за равноправное партнерство.

Глава 3

Остаток субботы Аллегра провела за изучением документов, которые для нее распечатал Ксавьер, и поисками информации в Интернете. Попутно она делала записи. Он дал ей номер мобильного, но не дал адрес электронной почты, а отправить ему отчет о проделанной работе по СМС она не могла.

Она отправила ему короткое сообщение:

«Завтра уезжаю в Лондон. Вернусь во вторник, возможно, в среду. Отчет пошлю по электронной почте, но мне нужен адрес.

А. Б.».

Ответил он только поздно вечером – очень коротко и по существу. Ксавьер явно не любил пустословия. Она мысленно взяла себе на заметку, что ее отчет должен быть предельно краток, к нему лучше приложить документы с информацией, подтверждающей ее выводы.

И следующие несколько дней она будет очень занята, ведь ей нужно доделать все не сделанные еще в Лондоне дела и придумать, как убедить Ксавьера, что она может быть полезна на виноградниках.

Она грустно улыбнулась. А еще говорила ему, что ничего не обязана доказывать. Они оба знали, что обязана – и себе, и ему.

– Извини, Ги, я просто не голоден. – Ксавьер отодвинул тарелку.

– Если бы ты вернулся с полей после первого же моего звонка, еда была бы больше похожа на еду.

– Извини.

– Так что случилось? Проблемы с виноградниками?

– Нет. Все нормально.

– Когда человек работает до полного изнеможения и при этом у него тени под глазами, потому что он все равно не может спать, это ненормально. – Ги сложил руки на груди и сурово посмотрел на брата. – Я уже не ребенок, Ксав, тебе не надо больше ограждать меня от жизни, как сделали вы с папой, когда на виноградниках два года подряд был неурожай, и банк отказал папе в продлении кредита.

Когда вся его жизнь вдруг взлетела на воздух.

– Я знаю. Извини. Поверь, я не отношусь к тебе как к ребенку.

– Если дело в деньгах, может, я смогу помочь. У парфюмерного дома дела сейчас идут неплохо. Я могу одолжить тебе достаточно денег, чтобы вытащить тебя из этой ямы – так же как ты мне помог пару лет назад.

Когда бывшая жена Ги обобрала его до нитки, и ему чуть не пришлось продать свою долю парфюмерного дома.

– Спасибо. Это очень щедро с твоей стороны. Но в этом нет нужды. Виноградник стабильно держится на плаву.

– Значит, дело в Элли.

Точно. Он мысли в кучу собрать не мог с тех пор, как она вернулась.

– Конечно нет. Я в порядке, – соврал Ксавьер.

– Ты чуть дольше чем нужно молчал перед тем, как это сказать. Ты так ее и не забыл, да? Ксавьер пожал плечами:

– Я встречался с другими женщинами.

– Но ты никогда не подпускал ни одну из своих любовниц так близко, как это было у тебя с Элли тем летом.

– Это было очень давно, Ги. Мы оба выросли. Изменились. Мы разного хотим от жизни.

– По-моему, ты так сам себя уговариваешь.

И что еще хуже, он знал, что у него ни черта не получается.

– Просто она как-то неожиданно вернулась. Давай закроем эту тему, Ги, не хочу об этом говорить.

– Ладно, я настаивать не буду, – сказал Ги. – Но если ты решишь, что хочешь поговорить об этом, ты знаешь, где меня найти. – Он похлопал Ксавьера по плечу, потом долил вина в бокалы. – Ты же поддержал меня, когда у нас с Верой все пошло наперекосяк.

Долгие вечера, когда Ги жаловался и ругался, а Ксавьер слушал, нисколько его не осуждая.

– Может, мужчины семейства Лефевр просто не умеют правильно выбирать женщин, – сказал Ксавьер. – Папа, ты, я – мы все сильно с этим накололись.

– Может быть. – Ги пожал плечами. – Или мы с тобой просто еще не встретили женщин, которые подходят именно нам.

«Аллегра мне очень даже подходит», – подумал Ксавьер. Проблема в том, что он не подходит ей. И ему нужно помнить об этом, если он хочет хоть как-то поддерживать с ней нормальные рабочие отношения.

В Лондоне у Аллегры не было ни минуты свободного времени. Она придумывала маркетинговую стратегию развития виноградики; предлагала Джине, своей лучшей подруге, снять квартиру, в которой раньше жила сама; решала, что ей нужно сразу забрать во Францию, а что можно перевезти потом; забирала свои вещи из офиса; старалась не выплакать все глаза, когда Джина устроила для нее прощальную вечеринку-сюрприз и на нее пришел весь их офис, кроме бывшего начальника Аллегры, которого все терпеть не могли. Ни секунды не оставалось на то, чтобы подумать о Ксавьере...

Пока она не села в поезд из Лондона в Авиньон. Там у нее появилось целых семь часов, чтобы о нем подумать и позлиться на то, что он не посчитал нужным хоть как-то признать, что получил ее предложения по виноградикам, и не поинтересовался, когда она возвращается.

Тем не менее, сойдя с поезда и собираясь сесть в такси и доехать до старого вокзала, а там уже пересест на местный поезд, который шел в Ардеш, Аллегра с удивлением обнаружила прислонившегося к стене Ксавьера. А вот то, что он привлек внимание всех женщин в поле зрения, ее совсем не удивило. Он разглядывал толпу, явно кого-то искал, а когда увидел ее, поднял руку и только потом подошел.

Неужели он ее ждет?

Она поставила чемоданы:

– Что ты тут делаешь?

– У меня были дела в Авиньоне, а тебе нужно как-то добраться до «*Les Trois Closets*». Поэтому я подумал, разумно будет тебя дождаться.

Так ей и надо. Неужели она хоть на секунду могла подумать, что Ксав притаился в Авиньон только ради того, чтобы ее встретить? Ведь этот человек оттолкнул ее когда-то и разбил ей сердце. Она и тогда-то не была ему нужна, а сейчас и подавно.

– Спасибо, а откуда ты узнал, что я буду здесь в это время?

– Гортензия сказала. – Ксавьер пожал плечами. – Ты собираешься целый день здесь стоять и спорить или мы пойдем?

Она пошла за ним.

– Как Лондон? – спросил он.

– Нормально.

– И это все, что ты с собой привезла?

– Я отдала некоторые вещи на хранение.

– На случай, если здесь у тебя не срастется. – Он кивнул. – Очень благоразумно.

Звучало это как комплимент, но похоже было больше на оскорбление. Она решила не попадаться на этот крючок.

– Ты получил мои предложения, которые я тебе отправила по электронной почте?

– Да.

– И?..

– Я думаю.

Другими словами, легко и просто с ним не будет.

– Как прошла встреча? – спросила она.

– Нормально, спасибо.

Она кашлянула:

– Это касалось виноградника?

– Нет.

Как же он ее раздражает. Неужели нельзя просто сказать?

Он улыбнулся, как будто мысли ее прочитал:

– Если уж ты так хочешь знать, я слинял с работы, чтобы пообедать с Марком.

– Марком – это в смысле месье Робером? Адвокатом Гарри, то есть моим адвокатом, – поправилась она.

– Тебя мы не обсуждали, – свысока бросил он.

Она фыркнула:

– Знаешь, иногда ты бываешь просто невыносим.

– Да что ты говоришь? – Он искоса взглянул на нее, потом поставил ее чемоданы в машину.

Его губы едва заметно изогнулись в ухмылке, а в глазах на секунду блеснул озорной огонек, и он вдруг стал похож на того Ксава, которого она знала много лет назад, а не на усталого незнакомца, в которого он превратился. Аллегра вдруг почувствовала, что улыбается ему в ответ.

– Добро пожаловать обратно во Францию. Поехали, я отвезу тебя домой, – сказал он.

Домой. Он это сказал из вежливости или всерьез? Она точно не знала.

– А что случилось с твоей спортивной машиной? – спросила она, забираясь на пассажирское место его полноприводного автомобиля. С той старой классической машиной с мягким откидным верхом, который отец Ксава подарил ему, когда он сдал на права.

– Сменил на более практичную. Иногда мне приходится ездить по бездорожью. А иногда надо завезти пару ящиков вина клиенту.

– Обивка салона дороговата для фургона службы доставки, – заметила она.

– А на чем я, по-твоему, должен ездить – на велосипеде с прицепом?

Она представила себе, как он это делает, и улыбнулась:

– Ну, так будет экологичнее.

– Эта машина настолько экологична, насколько это сейчас возможно. Это гибрид, – пояснил он. – Для меня принципы не просто слова. Я всегда претворюю их в жизнь. Виноградники экологически чистые. Поэтому я забочусь об экологии не только в профессиональной сфере, но и вообще в жизни.

Жизни, которую она когда-то хотела с ним разделить. Жизни, о которой она ничего не знала. Но говорить ему об этом она не собиралась, поэтому она затихла и стала разглядывать прекрасные виды Ардеша за окном автомобиля.

Два чемодана – это совсем не много. Ксавьер знал женщин, которым нужно было больше вещей, когда они ехали в отпуск на неделю. Аллегра собиралась провести здесь два месяца. Она вернется в Лондон, чтобы что-то довести? Или она просто отправила остальные свои вещи в Ардеш? Или она и не думает здесь оставаться?

– На чем ты собираешься здесь ездить? – спросил он.

– Думаю, у Гарри сохранился его «ситроен». Куплю страховку и буду ездить на нем.

На старой развалюхе Гарри? Она, вероятно, шутит.

– Он на ней много лет не ездил. Тебе нужно будет показать ее автомеханику, чтобы он ее проверил, прежде чем ты куда-то на ней поедешь, и это если она вообще на ходу. – Он пытливо посмотрел на нее. – Слушай, а зачем ты уволилась с работы в Лондоне? Почему просто в отпуск не ушла?

– Вряд ли моему начальнику это бы понравилось.

– А ты где-нибудь до этого работала?

– Нет. – Она вздохнула. – Питер стал во главе агентства примерно через неделю после того, как мой начальник – креативный директор – ушел на больничный. В его отсутствие я была исполняющим обязанности.

– А теперь твой начальник вернулся?

– Он не вернулся, – тихо сказала Аллегра. – Решил, что эта работа слишком сильно бьет по нервам, и ушел на пенсию два месяца назад.

– И ты заняла его место?

– Должна была занять. Но Питер привел на эту должность другого. Он явно спланировал все заранее.

На ее месте он был в ярости, если бы он упорно трудился столько месяцев на обещанной должности, а потом работу вот так просто вырвали бы у него из рук. Он взглянул в ее лицо:

– Он тебя заставил ехать в Нью-Йорк перед похоронами Гарри. – Это было скорее утверждение, чем вопрос.

Она сглотнула:

– Он сказал, я должна доказать свою преданность компании. Он так на это смотрел. А он директор агентства, так что его слово там закон.

– А все остальные сотрудники с ним ладят?

– Нет, но они его терпят. При нынешнем состоянии экономики сменить работу непросто.

– А если бы Гарри не оставил тебе виноградник, что бы ты тогда делала? – с любопытством спросил Ксавьер.

– Нашла бы другую работу, наверное. И подумала бы, где можно получить рекомендации.

Ксавьер моргнул:

– Он отказался тебе дать рекомендательное письмо?

– Ну, напрямую он не отказывался. Но он мог бы написать такое рекомендательное письмо, что любой потенциальный работодатель дважды подумал бы, прежде чем брать меня на работу. Вообще-то я думала о том, чтобы стать фрилансером, поработать на себя. Вся эта история просто помогла мне понять, что пора было отсюда уходить.

Значит, она все-таки бежала от своей работы. Не очень хорошее деловое качество. Он и раньше задавался вопросом, что будет, когда она столкнется с трудностями, а теперь он был уверен, что она поступит так же, как его мать. Уйдет, найдет кого-нибудь, кто ее спасет. Так и виноградник для нее спасение от постигшей ее неудачи.

– Если бы ты продала мне виноградник, тебе бы хватило денег, чтобы открыть свой бизнес в Лондоне.

– Я не продам виноградник, Ксав. У меня все получится, уж я постараюсь. – Она вздернула подбородок. – И я не позволю тебе давить на меня. Какую бы работу ты мне ни подкинул, я справлюсь.

Значит, в ней все-таки есть огонь, даже если сейчас он зарыт очень глубоко.

– Это вызов? – поинтересовался он.

– Нет, – сказала она, и ее голос прозвучал очень устало. – Почему мужчины всегда все так усложняют?

– Я ничего не усложняю. Да, признаюсь, я бы предпочел, чтобы ты была партнером, который не участвует непосредственно в принятии решений, каким был Гарри, но этого явно не будет. Мы с тобой привязаны друг к другу на два месяца. И уж конечно я не собираюсь из кожи вон лезть, чтобы испортить тебе жизнь.

– Спасибо. И я не шучу, когда говорю, что честно разделю с тобой нагрузку. Я не лентяйка.

Это Питер ее в этом обвинял? Учитывая то, сколько усилий ей нужно было приложить, чтобы переделать все дела перед отъездом из Лондона, со всеми попрощаться да еще и прислать ему подробнейший отчет, с уверенностью можно было сказать, что Аллегра Бошам не лентяйка.

Наконец Ксавьер припарковался на подъездной дорожке дома Гарри.

– Спасибо, – сказала она. – Мм, может, хочешь зайти на чашку кофе?

– Очень мило с твоей стороны, но у меня много работы.

– Конечно. – Было еще кое-что, что ей необходимо было знать. У нее вдруг начисто отшибло умение правильно формулировать свои мысли, и она выпалила: – А твоя жена не будет возражать, если я буду твоим деловым партнером?

Он бросил на нее красноречивый взгляд:

– Если хочешь знать, женат я или нет, *chérie*, просто спроси. Не надо пускать в ход эти женские уловки, меня это ужасно раздражает.

Она почувствовала, как кровь приливает к щекам.

– Ладно, ты женат?

– Нет. Ну что, довольна?

В эту секунду она сильно сожалела о том, что согласилась, чтобы он ее подвез.

– На самом деле, мне все равно, женат ты или нет, – сказала она, глядя ему прямо в глаза. – Я просто подумала, что, если ты с кем-то встречаешься, мне надо уверить ее, что я не представляю угрозы для ваших отношений. Проявить любезность и вежливость, так сказать.

Ксавьер развел руками:

– А ты бы и не представляла никакой угрозы.

Ну конечно – он много лет назад дал понять, что она не то, что он ищет. Что у него на нее нет времени. И все-таки его слова причинили ей боль.

Наверное, это было написано у нее на лице, потому что он добавил, на этот раз помягче:

– Я ни с кем не встречаюсь. Я все свои силы уделяю винограду. У меня нет времени на то, чтобы все усложнять.

– Только не говори мне, что ты принял обет безбрачия. – Когда она опомнилась, что не надо было этого говорить, было уже поздно.

– Ты сейчас спрашиваешь меня про мою сексуальную жизнь, Аллегра?

На этот раз она покраснела еще гуще:

– Нет. Я не собиралась говорить это вслух. Это очень навязчиво с моей стороны. Извини.

– Но ты спросила, так что ты явно хочешь это знать.

– Забудь об этом.

В его улыбке был оттенок иронии.

– Нет. Я не соблюдаю обет безбрачия. Я люблю секс. Очень люблю, если ты помнишь.

О господи, да. Она прекрасно помнит. И никто никогда не дарил ей тех ощущений, которые дарил когда-то Ксав. Как будто она тонула в чистом наслаждении.

Его глаза блеснули.

– Но, как я уже сказал, у меня нет времени на то, чтобы все усложнять.

– Ты сильно изменился за десять лет.

– Ты тоже. Давай просто сойдемся на том, что мы оба стали старше и мудрее.

– Да. Спасибо, что подвезли, месье Лефевр, – вежливо сказала она и взялась за чемоданы.

Она открыла дверь, услышала, как отъезжает его машина, и вздохнула. Ну вот, а еще говорит, что они партнеры, а сам даже не захотел обсуждать ее предложения.

Она поздоровалась с Гортензией и начала разбирать чемоданы, и тут запиликал ее телефон. Она взглянула на дисплей и с удивлением обнаружила сообщение от Ксавьера: «Увидимся завтра в офисе в двенадцать. Принеси батон хлеба».

Странная, конечно, просьба, но, по крайней мере, это значит, что он готов поговорить с ней о делах. Она закончила разбирать свои вещи и попросила у Гортензии ключи от старого «ситроена» Гарри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.